

Потап Артамонович

Из того-де из города из Киева
Выежжал-де удалой доброй молодеч,
Молодой-де Потап сын Артамонович,
От рожденья молодцу семнадцать лет.
Он конём-де владел, да копьём шурмовал,
Вывозил-то ле боцьки с зеленым вином,
Вывозил-то ле боцьки пива пьяного,
Вывозил-то ле боцьки мёду сладкого,
Вывозил-то ле хлеба он оввозами.
Выежжал-то среди поля он чистого,
Становил-то детина бел полот'н шатёр,
Становил-то столы да он дубовыя,
На столах-то ле ествы всё сахарныя,
На столах-то питья да разноличныя.
Кабы пил-то ле, ел, да забавлялся он,
Как попил-то, поел, да тут и спать он лёг,
Кабы спит-то, храпит, да как порог шумит.
Как стоял-то его конь, лошадь добрая,
Как стоял-то его конь у сыра дуба,
Да насыпано пшаны было белояровой,
Да поставлена вода была сладка-медовая.
Да не ес-то пшаны конь белояровой,
Да не пьёт из соты воды медовой —
Да повеся стоит конь буйну голову,
Потупя-то ле оци во сыру землю.
Да бьёт-де копытом во сыру землю —
Вся дрожит-то ле матушка сыра земля:
Да сырое-то дубьё расшаталосе,
Да сухое-то пеньё поломалосе.
Ото сну-то детина розбужаитсе,
Да выскакивал детина вон на улицу,
Да в одной-то рубашечки без пояса,
Да в одных-то цюлочиках без чеботу,
Да хватил свою палицу буёвую,
Как и бьёт коня по тучным ребрам:

«Еще волчья, конь, сыть, да травеной мешок!
Ищэ што же стоишь, да не пьешь, не ешь?
Ле пшана ле моя тибе не дбшлая?
Ле вода ле моя тибе не сладкая?
Не слыхал ле ты граянья ворбньяго?
Не слыхал ле ты крыку богатырского?
Не слыхал ле ты свисту соловьиного?»
Да провещылся конь, да лошадь добрая,
Ищэ руським языком человеческим:
«Уж ты ой еси, хозяин, сударь ласковой,
Молодой ты Потап сын Артамонович!
Подходил ле собака зла-де Скурла-царь,
Ищэ Скурла-де царь да сын Смородович,
Ищэ прямо идёт да в славной Киев-град,
Ищэ хочет он Киев да во плен спленить,
Да божьи-то наши церкви на огни сожечь,
Да чудны наши иконы — на полав реки,
Да почесные монастыри во грезь стоптать,
Самого князя Владимира — голову срубить,
А его-де княгину за сибя-то взять».
Помутились у детины оци ясныя,
Осердилось у его да ретиво сэрко.
Кабы стал-то детина снаряжатисе,
Кабы стал-то детина сподоблятисе:
Как налаживал он латы-ти булатныя,
Как накладывал нагруднички укладные,
Да на шею кольчужку позолочену,
На головку колпак да земли Греческой,
Ищэ латы-ти были двадцеть пять пудов,
А нагрудник-то был да десеть пудов,
Да на шею кольчуга была пять пудов,
На головку колпак да сорока пудов.
Да берёт-то с собой да саблю вострую,
Да берёт-то ле палицу буёвую,
Да берёт-то ле лук со каленой стрелой,
Да берёт-де копейцо бурзаметное.
Да уздал-де, седлал он коня доброго:
Он двенадцеть кладёт да подпруг шолковых,
Он тринадцету кладёт через хребётну кось,

Да не для ради басы — да ради крепости,
Ищэ ради побезки лошадиной —
Не оставил штобы конь да во чистом поле.
Ищэ клал-то ле войлоцьки-поджопнички,
Да на войлойчки — седёлышко черкащето.
Да скочил-то детина на добра коня,
Повернул-де конём, да как лютым змеём,
Притугаёт своя да коня доброго —
Кабы въехал-то в силу, в прокляту Литву:
Кабы сколько-то силы он саблей секёт,
Ищэ вдвое-де, втрое он конём топцёт.
Кабы бил-то, ломил челы суточки —
Приустали его да руки белыя.
Как оттуль-то детина поворот даёт,
Приежжал-то детина ко белу шатру,
Да свезал-то коня он ко сыру дубу,
Насыпал-то пшану он белоярову,
Наливал-то [в] соты воды медовой.
Заходил-то детина во белой шатер,
Да садилса детина за дубовой стол,
Как попил-то, поел, да забавлялся тут,
Как попил-то, да тут и спать он лёг,
Как и спит, храпит, да как порог шумит.
Как стоял его конь да у сыра дуба —
Не зобал-то пшenu да белоярову,
Как не пил-то воду да он медовую —
Кабы бил-то копытом о сыру землю.
Вся дрожит-то ле матушка сыра земля:
Как сыроё-то дубьё расшаталосе,
Как сухоё-то пеньё поломалосе,
Да в озёрах водыця поплескаласе,
У шатра-то тынинки все повыпали.
Ото сну-то детина пробужаитце,
Выходил-то скоренько вон на улицу,
Да хватил свою палицу буёвую,
Да бы бьёт-то коня он по тучным ребрам:
«Ищэ волчья ты сыть, конь, травеной мешок!
Ищэ што же стоишь, да не пьёшь, не ешь?
Ле пшена-то моя тибe не дошлая?

Ле вода-те моя тибe не сладкая?»
А провещилcя конь, да лошадь добрая,
Ищэ руським языком человеческим:
«Уж ты ой есь, хозяин, сударь ласковой,
Молодой ты Потап сын Артамонович!
Да подходит-де собака злая, Скурла-царь».
Да бросилcя детина на добра коня,
Повернул-де конём, да как лютым змеём,
Да бы въехал во силу, в прокляту Литву:
Ищэ сколько-то силы он саблей секёт,
Ищэ вдвое-то силы он конём топчёт.
Он бил-то, ломил да двои сутоки —
Приустали его да руки белыя.
Да оттуль молодец да поворот держит —
Приежжал-то детина ко белу шатру.
Привезал-то коня он ко сыру дубу,
Насыпал-то пшenu он белоярову,
Наливал-то [в] соты воды медовой.
Заходил-то детина во белой шатёр,
Да садилcя детина за дубовой стол,
Как попил-то, поел, да забавлялcя тут,
Как попил-то, поел, да тут и спать он лёг,
Как и спит, храпит, да как порог шумит.
Кабы спал-то ле он да двои сутоки.
Как стоял его конь да у сыра дуба —
Не зобал-то пшenu да белоярову,
Как не пил-то воду да он медовую —
Кабы бил-то копытом о сыру землю,
Вся дрожит-то ле матушка сыра земля.
Ото сну-то детина пробужаитце,
Выходил он скоренько вон на улицу,
Да хватил свою палицу буёвую,
Да бы бьёт он коня да по тучным ребрам:
«Ах ты волчья сыть, травеной мешок!
Ищэ што же стоишь, да не пьёшь, не ешь?
Ле вода ле моя тибe не сладкая?
Ле пшена ле моя тибe не дошлая?»
И провещилcя конь, да лошадь добрая,
Ищэ руським языком человеческим:

«Уж ты ой еси, хозяин, сударь ласковой,
Молодой ты Потап сын Артамонович!
А поедешь ты во силу, прокляту Литву,
А поедешь ты по силы, проклятой Литвы —
Накопали перекопы там глубокия:
Да бы первой перекоп я перескочу,
Да бы второ́рой перекоп я перенесу,
Да бы в третьём перекопе обрущусе,
Я паду-то тогда да во глубок погреб;
Да наскა́ют тотар да много-множество,
Да наме́ют на тебя, да добра молодца,
Ищэ ти жо арканы белошёлковы,
Поведут-де к царю тогда ко Скурлату».
Как и это детине за беду стало,
За немалую досаду показалосе,
Да бросилса детина на добра коня,
Повернул-де конём, да как лютым змеём, —
Кабы въехал он в силу, в прокляту Литву:
Кабы сколькё-то силы он саблей секёт,
Кабы вдвое-де, втрое он конём топцёт,
Кабы первой перекоп конь перескочил,
Кабы второ́рой перекоп конь перенёс нынь,
Кабы в третьём перекопы конь обрущылса —
Кабы пал-то бы конь да во глубок погреб.
Наскакало тотар да много-множество,
Наметали арканы белошёлковы,
Сохватали юдала добра молодца,
Повели-то тогда да к царю Скурлату.
Привели-то тогда да к царю Скурлату,
Подходил-де собака тогда Скурла-царь:
«Уж ты здраствуй, удалой доброй молодец!
Ты коёго жо ле города, коёй земли?
Коёго ты отца, да коёй матушки?
Ищэ как тя, детина, именём зовут,
Ищэ как величают из отечества?
Послужи ты ле мне да верой-правдою,
Да вочью́ ле, позаво́чью неизменною.
Я приду ле во землю во Литовскую,
Я те дам ле города да с пригородками!»

Говорит-то детина таковы слова:
«Кабы был я, молодец, да на своей воли,
На своей-де воли да на добром коне,
Я отсеку у тебя бы по плечь голову!»
Говорит ему Скурла во второй након:
«Уж ты ой есь, удалой доброй молодец!
Послужи ты ле мне да верой-правдою,
Да воцью ле, позавоцью неизменною —
Я те дам города с пригородками,
Я те дам нынь села со деревнями,
Я-де дам тебе ле много золотой казны!»
Говорит молодец да таковы слова:
«Я бы был, молодец, на своей воли,
На своей-де воли да на добром коне,
Я отсеку у тебя бы по плечь голову!»
Говорит-де бы Скурла во третьей након:
«Послужи ты ле мне да верой-правдою,
Да вочью ле, позавоцью неизменною —
Я те дам города с пригородками,
Я-де дам тебе села всё со деревнями,
Я-де дам тебе ле много золотой казны.
У мя есь-то топере единая дочь —
Я бы дам-то тебе тогда в супружесво!»
Говорит-то молодец да таковы слова:
«Я бы был кабы, детина, на своей воли,
На своей-то воли да на добром коне,
Я отсеку у тебя бы по плечь голову!»
Волокут-де телегу троеколюю,
Заковали молодца его в железа всё:
Да на шею железа пятьдесят пудов,
Да на ноги железа пятьдесят пудов,
Да на руки железа пятьдесят пудов.
Потенули телегу троеколюю
Да ко той ко казни ко смёртной,
Да ко той-де ко плахе ко кровавой.
Да стоял-то ле конь тогда в перёкопы,
Розсердилось у его сэрцо лошадиное,
Розмутились его оци тогда ясныя —
Кабы выскоцит-то конь да из перёкопы,

Побежал-то по силы, проклятой Литвы,
Прибежал-то ко казни ко смёртнойей,
Да ко той жо ко плахи ко кровавой, —
Испугалисе тотары все поганья.
Как вси выломал железа притяжолыя —
Да скоцил-то удалой доброй молодец,
Да хватил-то телегу троеколюю,
Да куды-то махнет — да тут и улица,
Да назад проведёт — с переулками:
Да бил-де, ломил да двои суточки,
Не оставил он не старого, не малого.
Да садилса детина на добра коня,
Да поехал детина ко белу шатру,
Становил-то коня он ко сыру дубу,
Заходил-то детина во белой шатёр,
Кабы ел-то он, пил, да позабавилса.

(Зап. Ончуковым Н. Е.: июнь 1902 г., сел. Великая Виска Пустозерской вол. — от Шалькова Николая Петровича, 80 лет.)

Печорские былины / Зап. Н. Е. Ончуков. СПб., 1904.